

Журнал "Вокруг света"

№ 12, 1966

УДК 91
ББК 26.8
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг света": № 12, 1966 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 84 с.

ISBN 978-5-458-58070-0

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды и читательская любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В.Ерофеев, А.Беляев и многие другие. За время издания было выпущенно 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года).

ISBN 978-5-458-58070-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Народ идет этим шагом и в наши дни. И это прекрасная закономерность, самая сущность нашей жизни.

Народ идет вперед стремительно и гордо, ибо он свободен, ибо ему по велению Октября принадлежит все: земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики... Народ — властелин. И может ли быть иным шаг властелина?

Я счастлив, что живу на земле Октября. Огромная — миллионы людей, десятки народов и языков, равнины и горы, арктические ветры и зной пустынь, — она, эта земля, вся «нашенская», как говорил Ильич. И сами ее пространства, ее сокровища, ее многообразная изумительная красота под стать величию и блеску октябрьского подвига. **ДА, ЭТО НАША ЗЕМЛЯ**, наши люди, наша обща — трудная и счастливая — судьба!

ЭТО НАША ЗЕМЛЯ. На уральской всесоюзной кузнице ковалось оружие народа-победителя. И сегодня металлургические гиганты Урала дают миллионы тонн стали — «хлеба революции», как говорил Серго Орджоникидзе. Металл идет на стройки новой пятилетки.

(Новотроицкий металлургический комбинат. Фото А. БУШКИНА)

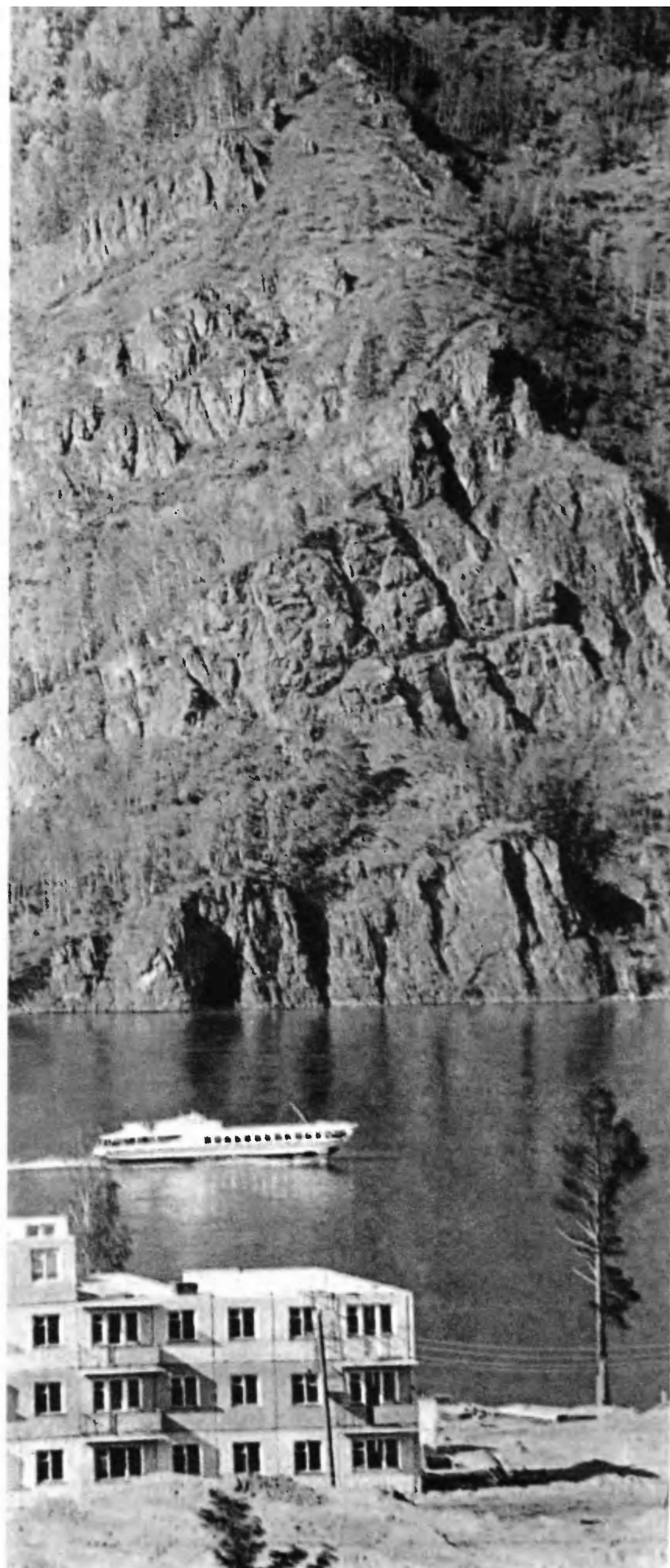
ЭТО НАША ЗЕМЛЯ. Когда-то Антон Павлович Чехов остановился здесь, потрясенный величием реки. Он мечтал о том времени, когда берега седого Енисея украсит счастливая, осмысленная жизнь. Сейчас она, новая жизнь, пришла сюда, к Дивным горам. Энтузиазм комсомольской стройки вдохнул жизнь в еще недавно пустынные места.

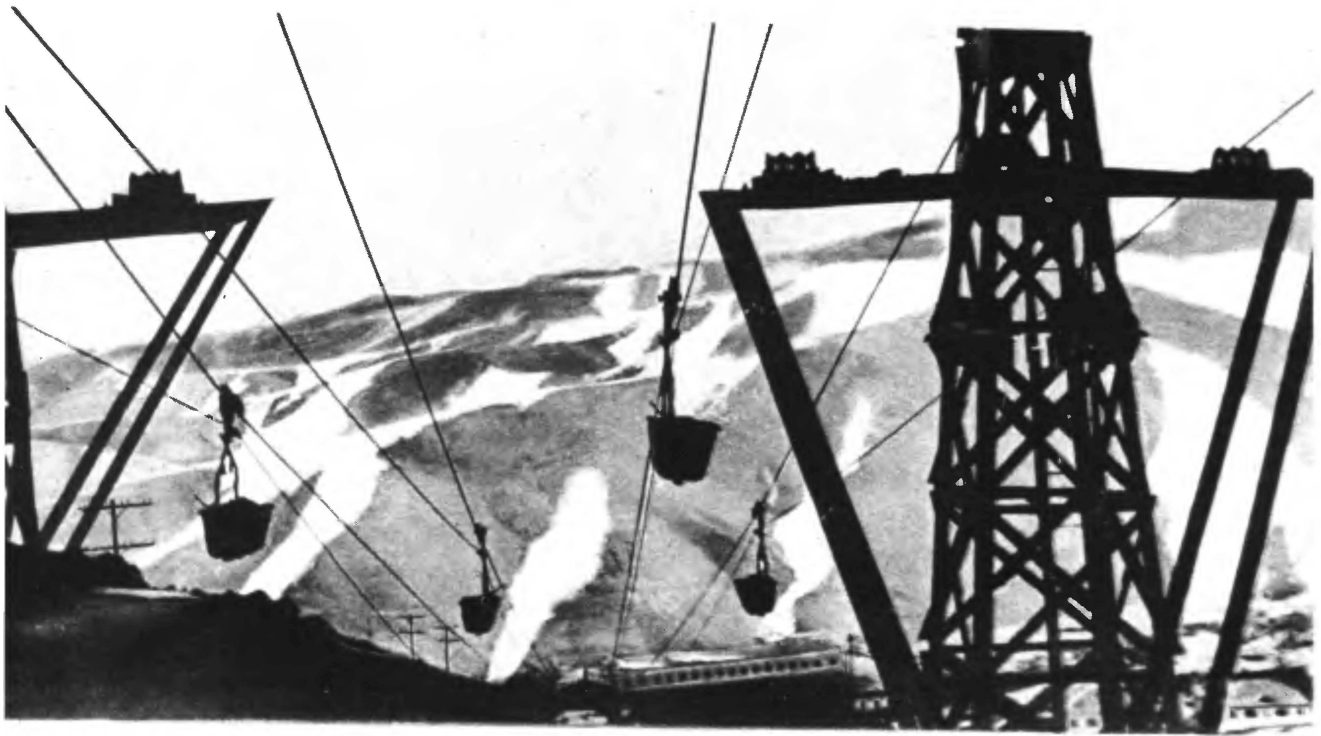
(Дивногорск. Фото К. ТОЛСТИКОВА)

1966 ВОКРУГ СВЕТА № 12 ДЕКАБРЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИИ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ И ФАНТАСТИКИ

ЭТО НАША ЗЕМЛЯ. Идет руда. Она идет, чтобы полыхали зарницами домы и плавильные печи, чтобы взлетали в небо космические корабли и современные красавцы самолеты, чтобы в дальний путь уходили суда.

(Идет руда. Фото Г. ПУНА. Шестая Всесоюзная)

Молодое поколение нашей страны — достойный продолжатель дела отцов. Передо мной встают лица делегатов недавнего комсомольского съезда — сколько в них было энергии, оптимизма, воли и мысли! Молодое поколение хорошо знает, на каких дорогах и в каком деле найти подлинную романтику. Будьте же решительнее, самоотверженнее в поиске и в труде, мои друзья, и жизнь откроет перед вами самые прекрасные горизонты, самые великолепные вершины.

Великий Октябрь имеет колоссальное мировое значение. Его могучее эхо достигло самых далеких уголков планеты, подняло легионы новых борцов, вдохновляло и вдохновляет народы в их борьбе с фашизмом, с империализмом. И уже не призраком, а воплощенной реальностью шествуют по миру идеи коммунизма. Нам есть чем гордиться. У нас есть то, что может подать пример, зажечь сердца.

Вперед, молодые борцы! Родина Октября смотрит на вас с надеждой и уверенностью.

ЭТО НАША ЗЕМЛЯ, и она должна стать еще более щедрой.

(Снежные пахари. Фото С. СМЕРНОВА. Шестая Всесоюзная)

ЭТО НАША ЗЕМЛЯ. Глаз фотообъектива остановил то мгновение, когда нефть со дна морского хлынула из новой скважины изобильно и бурно.

(Нефтяные Камни. Фото К. КУЗЬМЕНКО. Шестая Всесоюзная)

В. ВОЙТОВ

ПАТРИАРХ ПОДНИМАЕТ ПЕРЧАТКУ

С Уильямом Уиллисом мне удалось завязать переписку благодаря любезности и стараниям президента общества «Австралия — СССР». Первое письмо я получил вскоре после того, как Уиллис прибыл в Австралию. В нем, в частности, были такие строки: «Подробнее о своем плавании через Тихий океан я расскажу в книге. Я начну ее писать сразу же после возвращения в Нью-Йорк...»

Книга эта еще не появилась, и похоже, выйдет в свет лишь в 1967 году. Однако личные письма Уиллиса и его воспоминания, опубликованные в различных журналах, позволяют уже сегодня хотя бы коротко рассказать об этом бесстрашном и удивительном старике.

...26 июня 1964 года от берегов острова Уполу в ночной темноте отвалил плот. Почему ночью? Потому, что за Уиллисом, прославленным предыдущими плаваниями, пытался увязаться предприимчивый американский яхтсмен, решивший заснять новое плавание моряка на пленку и таким образом по крайней мере оправдать собственные расходы на отдых. Уиллис решил скрыться от «целлулоидного пирата» и вышел ночью.

Первое плавание Уиллис совершил еще в 1954 году на плоту «Семь сестричек». 6700 миль — от Перу до обожженных солнцем песков Самоа — были пройдены успешно. Тогда моряку было уже за шестьдесят. За долгие годы трудовой жизни ему доводилось и плавать матросом на парусниках и танкерах, и рубить вековые сосны в Канаде, и работать на рудниках Южной Америки. Уиллис готовил себя к подвигу. И он совершил его. Другому такого дела хватило бы на всю жизнь, а Уиллису и его было мало. И вот патриарх снова бросает вызов океану, снова выходит на плоту, которому дал имя «Возраст не помеха».

Плот был небольшой: десять метров длины, шесть — ширины. Но в кок-пите и на палубе было все необходимое: компас, секстан, плита, запас провизии и воды, рыболовные снасти, ружье, каяк и каноз, рация для приема сигналов радиомаяка.

План Уиллиса был таков: от берегов Перу (он вышел 5 июля 1963 года) доплыть до островов, расположенных к северо-западу от Самоа, пройти к северу от Фиджи, южнее Новых Гебридов и Новой Каледонии, а затем уже прямо к Сиднею. Однако на десятый день океан внес решительные коррективы в эти планы. После серьезной аварии плот Уиллиса выбросило на остров Уполу (Западное Самоа). Следующим летом Уиллис вернулся в Апиа, отремонтировал плот и снова вышел в океан. Именно с этого дня мы и начали наше повествование.

...На второй день ветер упал. В тех местах необычайно сильны течения, и плот сразу же стало сносить на юг. Как раз за несколько недель перед этим японская кавасаки, попав в такой же штиль, была снесена на 300 миль и разбилась на коралловых рифах острова Савайи, что рядом с Уполу. К концу второго дня Уиллис увидел на горизонте горные пики Савайи. Моряк ничего не мог поделать. Как сам он писал, «в такое время люди в его положении или ругаются, или плачут: в самом деле, ну разве не обидно смотреть, как неумолимо, неотвратимо несет твою посудину обратно к Уполу, тому самому острову, от которого ты только что отплыл. Одно утешение — хоть пронесло мимо кораллов».

Рисунок А. ГУСЕВА

Все же Уиллис был везучим моряком — слишком много сил и искусства вкладывал он в свое дело, чтобы не рассчитывать на такую малость. Ветер, спасительный ветер раздул паруса плота. Пришла пора действовать.

Три недели Уиллис плыл на запад, а потом на юго-запад. Ветер дул постоянный и сильный, но к середине июля он стал даже перебарщивать. Сначала волны были, как холмики, потом — как холмы, потом — как горы со снежными вершинами. 6 августа погода резко ухудшилась. Уиллис решил спустить паруса. Когда он брал рифы, у паруса лопнул ржавый трос. Уиллис упал навзничь, ударившись спиной о наклонную мачту на носу. От страшной боли он потерял сознание. Очнувшись, когда его окатила волна. Попытался встать, но стоило пошевелиться, как он вновь чуть было не потерял сознание. «Тогда я ничего не чувствовал. Ничего, кроме того, что мои ноги не двигаются. На руках я подтянулся и вполз в каюту. Несколько дней я провалялся без движения», — писал он позже. А между тем бешеный ветер рвал в клочья полотнища парусов, волны перекатывались через плот.

Прошло шесть дней и шесть ночей. «Возраст не помеха» занесло к этому времени далеко в сторону от маршрута — плот оказался примерно в ста пятидесяти милях от Соломоновых островов. Уильям лежал без движения, время тянулось бесконечно, и каждая минута этой бесконечности не выпускала из круга тягостных размышлений: сколько же у него шансов выжить, сколько погибнуть? Погибнуть, выходило, очень просто. Конкретность этой простоты пронзила, как боль, тело и душу моряка. Может быть, это и поставило его на ноги?

Днем он почувствовал, что может шевелить пальцами ног, скоро ноги стали слушаться. Бешено, отчаянно принялся Уиллис за массаж. Скоро он уже мог стоять, даже как-то передвигаться.

— Я не из тех, кто любит нянчиться со своей болью, — говаривал Уиллис. — Но в те дни я готов был кричать от страха, потому что в любой момент мог снова упасть. Мне никак не удавалось уснуть — было просто больно лежать. Но зато я мог плыть дальше. Дальше на запад, пока дует хороший ветер. И это было самым главным.

В ночь на восемнадцатое августа Уильям Уиллис качался на волнах Кораллового моря, как раз по середине его. Этой ночью ему «стукнуло» семьдесят один год. Уиллис стоял у штурвала и вглядывался в горизонт. А на горизонте выростала цепочка огней. Это из Гонконга в Сидней шло грузовое судно «Барон Джедбургт». С мостика английского судна окликнули:

— Кто вы?

— Капитан Уиллис, плыву из Апии в Сидней.

— Что вы хотите?

— Сообщите о встрече со мной.

Дома, в Нью-Йорке, жена капитана каждый день вглядывалась в карту маршрута, составленную для нее Уиллисом. Лучше, чтобы она знала, где он находится, — вдруг что случится. Он мог бы и пересечь на судно, но... «Я благополучно вернулся бы домой, но никогда не смог бы жить спокойно».

...Вдоль всего северо-восточного побережья Австралии тянется Большой Барьерный риф — огромное пространство, усеянное коралловыми рифами, отмелями, островками.

Уиллис понимал, как опасно плавание в этом районе. Когда плот приблизился к побережью Квинсленда, Уиллис увидел, как вспенивается вода над подводными рифами, как рождаются буруны, показывая положение Барьера, а далее к материку выступали из воды рифы и крошечные островки. Он старался удержать плот на почтительном расстоянии, постепенно продвигаясь на юг, где проходы в коралловом поясе более безопасны. Некоторое время это ему удавалось, но затем усилившийся ветер понес прямо на рифы. Их острые выступы царапали днище плота. Наконец плот зацепился за подводную скалу и застыл среди клокочущей воды.

Но когда наступило утро, огромная волна освободила плот и понесла его к берегу. «Не представляю, каким чудом пронесло меня над рифами». Чудо или нет, его двенадцатитонный плот все-таки вынесло на песчаный пляж.

...Хенк Пеннинг — школьный учитель из австралийского поселка, лежащего километрах в двухстах от Таунсвилла, любил в свободное время побродить вместе с женой по берегу реки. Вокруг привычный пейзаж: красно-бурые склоны далекого горного массива с зеленой полосой эвкалиптовой рощи у подножья, мутные воды реки Тулли, мангровые заросли по ее берегам в месте впадения в Тихий... Тишина, нарушаемая лишь криком морских птиц.

Вдруг вдаль Пеннинг заметил человека. Тот брел пошатываясь. Незнакомец был высоким стариком с усталым обветренным лицом и густой пепельной бородой. Подойдя, он протянул Пеннингу руку. «Я — Уиллис из Нью-Йорка. — И добавил: — Теперь я приплыл из Самоа». Это было 9 сентября 1964 года — 75 дней спустя после того, как Уиллис оттолкнул свой плот от берега Уполу.

— Кто-то спросил меня потом: «Зачем вам все это надо было, Уиллис?» Одно могу заметить: многие из нас мечтают, но лишь немногие, единицы, смогли приблизиться к своим мечтам. Я рад, что каждую минуту знаю: Тихий океан — мой.

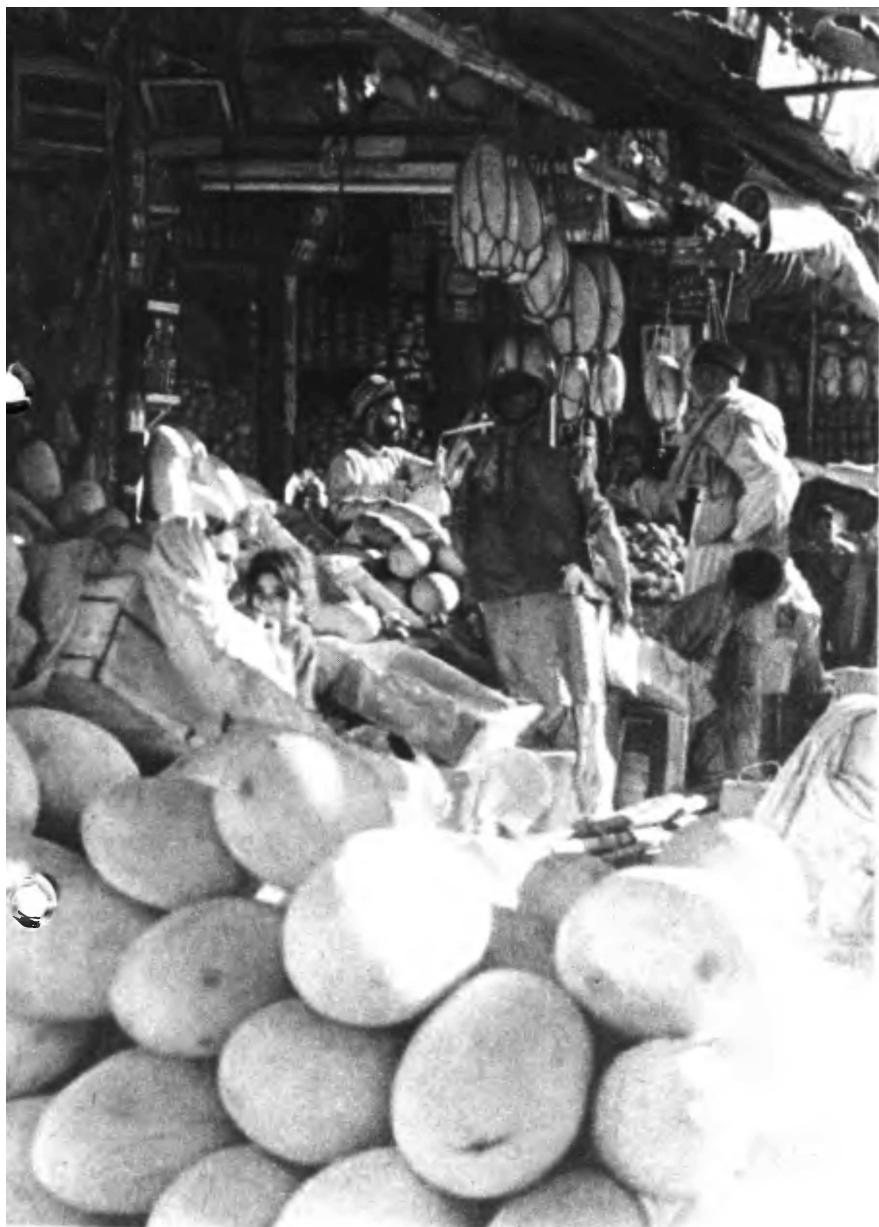
В том же году плот Уиллиса «Возраст не помеха» вслед за хозяином прибыл в Нью-Йорк. Уиллис снова ступил на его палубу, чтобы на этот раз отправиться в непривычно близкое путешествие: через Гудзон, к статуе Свободы. Там плот и стоит на приколе до сих пор.

Недавно Уиллис писал мне в письме: «Я еще полон сил и желания померяться силами с океаном. Теперь это будет Атлантика».

- маршрут плавания Уиллиса на плоту «Возраст не помеха».
- маршрут плавания Уиллиса на плоту «Семь сестричек».
- намечавшийся Уиллисом путь следования от Самоа до Сиднея.

ЯН МАРЕК,
ДУШАН ЗБАВИТЕЛ

Пакистанский базар.

Четыре столицы, скажете вы, это довольно странно. Ведь у каждого государства должна быть одна столица. Официально Пакистан не является исключением из этого правила. В 1958 году временной столицей Пакистана был провозглашен Равалпинди. Однако в действительности любого человека, у которого возникла необходимость связаться с пакистанскими государственными учреждениями, чаще всего направляют в Карачи.

Карачи недолго гордился славой главного города Пакистана. Он был наречен столицей лишь в 1947 году, когда возникло само государство. Двести лет назад на месте Карачи находилась бедная рыбацкая деревушка. 120 лет назад Карачи стал городом. Этому, безусловно, способствовало его географическое положение. Немного морских портов Азиатского материка расположено так удачно, как этот. Он открыт в заливе и в то же время как бы ле-

СТРАНА ЧЕТЫРЕХ СТОЛИЦ

жит в открытом море. Если выйти из порта, держа курс прямо на юг, вам не встретится больше земля и вы сможете доплыть до самой Антарктиды. Тем не менее общие соображения оказались сильнее географических преимуществ, и столица была перенесена.

Равалпинди лежит в долине на высоте пятисот шестидесяти двух метров над уровнем моря. Когда приезжаешь в этот город, трудно отделаться от впечатления, что все здесь временное. Как будто строят с таким расчетом, что через несколько лет совершится еще одно переселение. Так оно, впрочем, и есть. Не так давно правительство приняло решение, которое должно, наконец, покончить с вопросом о столице. В нескольких километрах севернее Равалпинди решено построить новую столицу — Исламабад. В честь основания города одно из заседаний парламента было проведено прямо под открытым небом, вблизи плотины на реке Коранг.

Буквально все — от одежды до обрядов — подчинено на пакистанской свадьбе древним традициям предков.

По сравнению с этими тремя столицами положение Дакки куда предпочтительнее. Она является естественным центром Восточного Пакистана, и ни один город пока не оспаривает этого приоритета. Однако к разговору о Дакке мы вернемся несколько позже. Пока нас ждет небольшое путешествие по западной части Пакистана.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ТРОНУ СУЛЕЙМАНА. Ноябрьским утром на аэродроме в Карачи нас взял на борт горбатый голландский самолетик «фоккер френдшип» и, поднявшись в воздух, лег курсом на северо-запад. Под нами без конца и края тянулась песчаная равнина Мекрана с множеством высохших русел сезонных рек, сверху напоминавших змей. Мне нужно было попасть в Кветту.

Оттуда уже на автобусе в долину реки Зхаб, где велись археологические работы. Автобус отправлялся в шесть утра, и двести восемьдесят километров он, по словам наших попутчиков, должен был пройти за семь часов. У меня на этот счет было собственное мнение, но оказалось, что эти разбитые колмаги не так уж плохи, как кажется с первого взгляда.

Утром на рассвете над долиной Кветты висел густой ледяной туман. На улицах не было ни души, рыночные лавчонки были закрыты ставнями, ветки деревьев покрывал иней. В помещении станции находился один столик, рядом с которым стоял мужчина, завернутый в лохматое покрывало. Это был кондуктор. Постепенно стали собираться пассажиры, которые, несмотря на стужу и сырость,

в основном были босы, в тонких полотняных брюках, но зато были облачены в потрепанные свитеры и обмотаны шерстяными платками и шальями.

Автобус появился с большим опозданием. Кондуктор влез на крышу автобуса и начал там укладывать жестяные чемоданы, узлы и мешки. Вся эта гора груза едва уместилась на крыше. Как-ие-то сажены, ягненка и козу поместили в салон автобуса.

...Дорога, ровная как струна, шла по дну мелкой долины, и стрелка спидометра подрагивала около цифры шестьдесят миль. Я уже почти поверил, что мы действительно через семь часов достигнем цели, но не тут-то было. Примерно через шестьдесят километров синее шоссе словно обрубили. Его сменил пыльный, разбитый проселок. Шофер мне сказал, что до самого форта Сандемана дорога будет не лучше. Но, видимо, ему это обстоятельство не очень-то мешало: он гнал автобус в облаках пыли, почти не снижая скорости. Наши темные костюмы вскоре стали серыми.

Автобус на крутых поворотах

ОТ РЕДАКЦИИ Пусть читателя не удивляет местоимение «я», часто встречающееся в этих очерках, написанных двумя чешскими учеными-востоковедами. В разное время авторы побывали в двух частях Пакистана — Ян Марек на западе страны, Душан Збавител на востоке, — а затем объединили свои впечатления в совместной книге «Два Пакистана». Книга эта в русском переводе выходит в издательстве «Наука».

качается из стороны в сторону, а шофер непрерывно нажимает на клаксон. И вдруг перед нами открывается великолепный вид: широкая долина, со дна которой поднимается скала сказочной формы. За ней на горизонте величественно вздымается лесистое нагорье трона Сулеймана. И как будто волшебник взмахнул своей палочкой — вдоль реки тянутся зеленые поляны, а справа журчит веселый ручеек с кристально чистой водой. Шофер резко тормозит. Что случилось? Остановки здесь быть не может, дорога открыта, вода не перегрелась. Неужели лопнула шина?

Я вопросительно смотрю на профессора Анвара, он безмолвно показывает на часы. Скоро два. Давно прошло время полуденной молитвы, но раньше мы не могли остановиться — нигде не было воды. А вода мусульманину нужна для молитвы, как соль к обеду.

Пассажиры вышли из автобуса, склонились над ручейком и привычными, заученными движениями совершили омовение: сначала погрузили в воду руки до самых локтей, потом намочили лицо, промыли глаза, прополоскали рот, влажной ладонью протерли

волосы и бороду и, наконец, сполоснули ноги. Лишь после этого мусульманин может приступить к молитве.

Остановка для молитвы была недолгая — минут десять. Но если принять во внимание, что каждый взрослый мусульманин обязан воздавать хвалу аллаху пять раз в день — большинство мусульман ревностно соблюдают этот обычай, — то это значит, что ежедневно теряется не меньше часа. Молятся почти все и почти всюду. Молятся директор государственного колледжа Анвар Руман в своем кабинете и дантист Икбал Суфи в стоматологической клинике. Падают ниц рабочие в доках, портье в коридорах гостиниц, путешественники в поездах и самолетах.

Если спросить обыкновенного пакистанского мусульманина, что он знает о своей религии, то окажется, что его знания чрезвычайно скудны. Он, конечно, слышал о пророке Мухаммеде и знает, что существует священная книга коран. Но он и понятия не имеет, что в ней написано, потому что арабским он не владеет, а попросить перевести некого. Ежедневно в молитвах он повторяет, что существует один бог

но тем не менее куда чаще поклоняется могиле местного святого. Он твердо верит, что лишь этот святой сможет избавить от несчастий, вылечить болезнь, дать его жене детей или облегчить последние минуты умирающего старика.

Почти у всех могил святых в ночь с четверга на пятницу происходят каввали — ночные пения. Играет небольшой оркестр: маленькая гармоника, национальный трехструнный инструмент — ситар и плачущая флейта, ритм дают барабан и звонкие литавры. Вокруг сидят четыре каввали, поочередно напевая газели о чудесах, свершенных шейхом, о жизни пророка. Эти газели поются на урду, фарси, на арабском и синдхском языках. Резкие жесты сопровождают песню, головы равномерно покачиваются в такт, и в горячей ночи тянется бесконечная и однообразная мелодия. Толпы слушателей, сидящих на земле, скрестив ноги, не отрываясь смотрят на них.

В Дакке есть и проспекты и парки, но такие уличные перекрестки куда типичнее для четвертой столицы.

Монотонно тянет певец стихи арабской суры, лишая слушателей остатков решимости встать и уйти. Время от времени мелкая монета звякает в каске...

ЗЕМЛЯ ВОДЫ. На карте в пятидесяти километрах восточнее крупнейшего индийского города Калькутты проходит жирная линия, которой еще двадцать лет назад не было. Это государственная граница, отделяющая территорию индийской Западной Бенгалии от Восточной Бенгалии, являющейся составной частью Пакистана.

У меня иногда голова шла кругом от всего, что я слышал о Восточной Бенгалии. Стоило мне в Калькутте или другом бенгальском городе заговорить со своими индийскими друзьями о их родине, как каждый начинал уверять, что все красоты пейзажа Западной Бенгалии меркнут при сравнении с просторами востока, что могучий Ганг — ручеек рядом с гигантскими восточнобенгальскими реками (хотя это все тот же Ганг, называемый, правда, Падмой в его нижнем течении), что здешние песни лишь жалкое подобие прекрасных восточных мелодий. Короче, до тех пор, пока я не видел Золотой Бенгалии, как индийцы называют область, лежащую за государственной границей, я ничего не видел.

В день нашего отлета из Калькутты над аэродромом низко висели черные гроззовые тучи, не

Мечеть в Лахоре.

предвещавшие для пассажиров ничего хорошего. Но мы все же поднялись, и самолет лег курсом к солнцу. В облаках появились окна, а спустя несколько десятков километров под нами открылась земля.

Точнее, не земля, а вода. Казалось, что мы летим над гигантским озером, в котором то здесь, то там появляются маленькие островки, кроны пальмовых рощ, заросли бамбука, дамбы, усыпанные серыми крышами хижин. Затем на короткое время появилась широкая полоса суши, испещренная каналами, — и сразу же новое озеро, поверхность которого ослепительно блестела в утреннем солнце. Когда мы пролетали над разлившейся Падмой, я готов был побиться об заклад, что нас занесло в сторону и мы летим над океаном. За рекой тоже были только вода и островки мокрой суши.

Лишь перед самой посадкой в Дакке, столице Восточного Пакистана, появилась свежая зелень, а пространства, занятые водой, приобрели правильные формы.

Наконец-то я в Золотой Бенгалии — стране джута и кокосовых пальм, а точнее, земле воды, рек, прудов, лодок, джонок, паромов, яхт и пароходов. Вскоре я понял, почему в восточнобенгальском городе Майменсингхе словом «шайор» называют и моря и реки. Почему бенгальцы издавна считаются замечательными мореплавателями, а в народной поэзии преобладают песни о морях

и о реках. Здесь я впервые понял истинное значение слова «наводнение».

Если вы когда-нибудь захотите рассказать сказку девочке, родившейся в Восточной Бенгалии, то не надо ее начинать словами: «За семью реками...» Эти слова не вызовут представления о сказочной, далекой стране, ибо в Бенгалии «за семью реками» — вовсе не так уж далеко.

Большее половины восточнобенгальских рек — притоки или ответвления Ганга. Эта священная река впадает в бенгальский залив Индийского океана широчайшей дельтой, раскинувшейся на большой части территории южных областей Западной и Восточной Бенгалии. В один из главных восточных рукавов вливаются величественная Брахмапутра и лишь немногим уступающая ей Мегхна, и почти невозможно представить себе массу воды, которая перемещается, разветвляясь и вновь сливаясь в один поток, меняя русло как бы в насмешку над результатами работ картографов.

Вот один пример. В городе Гояланда, лежащем в месте слияния Ганга с Джамун, нет ни одного капитального здания, потому что город вынужден перемещаться вместе с руслами рек.

Имена рек вообще примечательны. Ичамати значит Исполняющий желания, Бхайраб — Устрашающая, Падма — Лотос, Мегхна — Хмурая, Брахмапутра — Божий сын, Мадхумати — Медовая, Тиста — Жаждущая, Дакатия — Вороватая и так далее.

